

(?); 6. широта (включенне всякого рода дополнительной информации, причем одна крайность — «джунгли», а другая крайность — полное отсутствие аппарата); 7. масштаб, или отбор материала (тезаурус, т. е. полный охват, или оговоренный отбор, например употребительная лексика, древняя лексика и т. д.); 8. характер этимологического словаря (авторский замысел и тональность, например, научность, развлекательность).

«Трудно представить себе, — заключает автор, — этимологический словарь, который нельзя было бы точно описать или «закодировать» с помощью совокупного применения этих восьми автономных критериев» (с. 8).

Книга Я. Малькеля, конечно, много богаче, чем анализ словарей по ДП, бегло изложенный выше. Он совершенно справедливо подходит к каждому этимологическому словарю как к событию не только в науке, но и в жизни человека, т. е. явлению индивидуальному. Сообщаемая при этом подчас биографическая информация об авторах словарей выглядит вследствие этого очень уместной (ср. например, вопрос соотношения словарной и остальной деятельности ученого).

Книга Малькеля удивительно невелика по объему (84 стр. основного текста, не считая примечаний и библиографии), поэтому только такой умелый автор смог на таком малом пространстве уместить то обилие мыслей, фактов, проблем, какое мы находим в его книге. Конечно, в силу ряда причин изложение иногда оказывается слишком беглым, придавая книге Малькеля характер того, что он сам назвал вначале «а panoramic view of the problem». Но полезность и симптоматичность этой публикации не оставляет сомнений.

О. Н. Трубачев

A. Erhart, R. Večerka. Úvod do etymologie (Pro bohemisty i ostatní lingvisty). Univerzita J. E. Purkyně. Fakulta filozofická. Brno, 1975 (ofsetový tisk).

Начавшийся в послевоенные годы подъем в области конкретных этимологических исследований и их продолжающееся плодотворное развитие сопровождаются учащением опытов теоретического осмысления этимологической практики с точки зрения выявления сущности и целей этимологии, ее места среди лингвистических дисциплин, специфики ее проблем и методов. Однако подобные теоретические исследования имеют по преимуществу форму статей, что обуславливает сосредоточение на узком круге вопросов и фрагментарность изложения. Число монографических трудов очень невелико. Тем больший интерес вызывает новое издание этого типа А. Эрхарта и Р. Вечерки.

В кратком предисловии авторы так определяют назначение своей работы: «Главной целью нашей книги должна быть помощь ее читателям в пользовании этимологическими словарями и специальной этимологической литературой. Так что здесь дано не руководство, как делать этимологии, а ключ к наилучшему пониманию и использованию этимологических трудов» (с. 1). Подзаголовок указывает, что книга предназначена «для богемистов и других лингвистов». Корпус ее невелик (191 с.) и состоит из четырех глав, за которыми следуют список основной литературы предмета и сокращения.

Первая глава включает в себя «Введение» и очерк «Развитие этимологической науки». Во «Введении» (с. 2—10) читатель знакомится с проблематикой этимологических исследований. Общая формулировка цели этимологического исследования — выяснение происхождения слов — раскрывается как единство трех способов толкования: во-первых, выяснение (на примере чеш. *dítě*) словообразовательной структуры слова, установление круга родственных образований в данном языке и других языках, нахождение мотивирующей основы и первичного значения слова (с. 7—8); во-вторых, нахождение (на примере чеш. *bratr*) соответствий для исследуемого слова в родственных языках и констатация его глубокой (праязыковой) древности (с. 8—9); в-третьих,

толкование слова как заимствования из другого языка (с возможной этимологизацией слова-источника на почве его родного языка, с. 9). Представляется, однако, что недостаточно акцентирована зависимость этих трех способов от объекта исследования — конкретного слова.

Раздел «Развитие этимологической науки» (с. 11—26) своей близостью к содержанию курсов по истории языкознания еще раз подтверждает исторический факт изначальной зависимости общего и сравнительно-исторического языкознания от этимологии (а не только бесспорной зависимости второй от первых).

Специфика же данного очерка заключается во вполне понятном стремлении проследить на фоне развития европейской языковедческой науки возникновение и развитие чешской этимологии, начиная с *Lexicon sumptuosum* Зикмунда из Елены и кончая работой брненского этимологического коллектива над «Этимологическим словарем славянских языков».

Небольшой объем всей книги и самого раздела о развитии этимологии обусловили крайний лаконизм. Однако и при этих условиях следовало, думается, большее внимание уделить послевоенному периоду и специфике новых этимологических словарей славянских языков как отражению современных этимологических концепций.

Вторая глава называется «Изменения в языке» и является наибольшей по объему: с. 27—150. Она состоит из следующих разделов: «Реконструкция праязыка», «Реконструкция праславянского звукового состава», «Реконструкция индоевропейского звукового состава», «Изменения звуков», «Морфологические изменения» (с параграфами «Корень», «Индоевропейский аблаут», «Деривационные суффиксы», «Фузия», «Славянский аблаут», «Сложения», «Обратное словообразование», «Воспроизведение», «Морфологическая аналогия», «Народная этимология», «Контаминация») и «Семантические изменения» (с подразделом «Табу»). Этот перечень разделов полезен для суждения о круге рассматриваемых вопросов: в этой главе авторы предлагают в сжатом, почти конспективном виде (этот принцип нарушается лишь в разделах «Реконструкция праязыка» и «Изменения звуков») те сведения по общему языкознанию, сравнительной грамматике индоевропейских языков и сравнительной грамматике славянских языков, которые бесспорно необходимы как для занятия этимологическими исследованиями, так и для пользования этимологическими словарями, но обычно распределяются по соответствующим курсам. Тем самым снова обнаруживается, что этимология, будучи разделом исторической лексикологии, вместе с тем шире исторической лексикологии в отношении своих непосредственных связей с другими отраслями языкознания. С другой стороны, однако, возникает и сомнение, должно ли введение в этимологию подменять собою все эти другие отрасли, не говоря уже о том, что содержание главы ориентировано на славянскую этимологию и славистов, что несколько расходится с названием книги «Введение в этимологию (для богемистов и других лингвистов)». Представляется, что в подобной работе по этимологии (или по славянской этимологии) не следует так много внимания уделять, например, хорошо аргументированному фонетическим соответствиям, но зато необходимо более подробно рассматривать так называемые неправильные фонетические изменения, поскольку эта проблема чрезвычайно важна для этимологии и решение ее может быть найдено лишь в сотрудничестве сравнительной фонетики, морфологии и этимологии. В книге неправильным фонетическим изменениям посвящены параграфы 243 и сл., 36; авторы считают эти изменения крайним и наименее надежным средством этимологизации. Совсем не поставлен в книге вопрос о возможности смешения аблаутных рядов в славянских языках и возникновения на базе этого смешения обратных образований с «неправильным» вокализмом, ср. случаи слав. **noriti* : **nuriti*.

Что касается метода изложения содержания во второй главе, то авторы выполнили свою задачу компрессии полезных для этимолога сведений по общему и сравнительному языкознанию с большой изобретательностью, лаконизмом и стройностью. Составлены почти исчерпывающие таблицы звуковых соответствий для индоевропейских и славянских языков с лексическими

иллюстрациями и четкими комментариями; кратко, но полно и увлекательно охарактеризованы различные языковые процессы и явления, особенно табу (хотя отнесение этого явления к семантическим изменениям представляется спорным) и народная этимология. В последнем разделе высказана весьма существенная для исследований древней лексики в связи с культурно-этнографическими данными мысль о возможности тесной связи между легендой и народной этимологией, в особенности — исторического первенства явления народной этимологии и вторичного возникновения (уже на почве преобразованной лексемы) легенды (с. 127—128).

Лишь некоторые моменты побуждают к сомнениям и критическим замечаниям.

В разделе об индоевропейском аблауте формулировка «корни с простым вокалическим ядром, образованным гласными *e*, *o*, *a*, имеют в полной ступени как правило *e*» (с. 85) представляется неточной, так как возможно и.-е. *o*, не чередующееся с *e*, а и.-е. *a* не чередуется с *e*.

Для корней с долгим гласным \bar{e} , помимо упомянутых полной ступени и ступени редукции (с. 86), следовало указать еще возможность частичного чередования \bar{e}/\bar{o} (ср. и.-е. * $\bar{u}r\bar{e}g'$: * $\bar{u}r\bar{o}g'$:- * $\bar{u}r\bar{a}g'$ -, слав. $\bar{r}\bar{e}zati$: $\bar{r}az\bar{z}\bar{t}$).

В разделе о воспроизведении (редеривации) различие между случаями типа ст.-чеш. *očerstviti*: чеш. *občerstviti* (с. 118) и случаями типа русск. *обязанный*: *обязанный* (с. 119) представляется более глубоким и принципиальным: во втором типе представлено именно воспроизведение, повторение модели на новом хронологическом уровне (дающее часто сосуществующие лексемы с различной семантикой), первый же тип точнее было бы охарактеризовать как преобразование слова в соответствии с актуальной на новом этапе формой морфем (кстати, этот тип изменений заслуживает специального анализа).

Из деталей этимологизации и реконструкции:

не оправдана реконструкция * $g^{\bar{s}}l-tati$ (с. 81);

можно ли выводить чеш. *duji*, *douti* как следствие морфологической аналогии из *dmu*, *douti* (с. 121), если чеш. *duji*, *douti* имеет точные соответствия в других славянских языках?;

чеш. *dým* имеет точное соответствие в лат. *fūmus* и не может поэтому принадлежать к гнезду чеш. *dmu*, *nadymati* (с. 81);

авторы оговариваются в своих реконструкциях позднеиндоевропейским периодом (с. 83), не упоминая о более древней системе фонем с ларингальными, поэтому нелогично выглядит использование их символов в конкретных реконструкциях: см. $seH^w = s\bar{a}u$ (с. 104), $meH^r = m\bar{e}$ (с. 105).

Некоторые неточности в таблицах связаны в значительной степени со стремлением к максимальному обобщению. Так, на с. 68, п. 232 под номером 18 в таблице индоевропейских соответствий для славянских согласных объединены, судя по примерам на с. 71, 2 различных источника слав. \bar{s} : в случае $\bar{s}iti$ это \bar{s} из сочетания звуков *sj* (а этот тип изменения включен в таблицу на с. 74), которому в литовском соответствует *s* (а не \bar{s} !); что же касается другого примера — *myš̄b*, то развитие здесь $\bar{s} < ch$ является вторичным по отношению к развитию $ch < i$ -е. *s* после \bar{u} , потому этот случай следовало объединить с номером 19 той же таблицы как слав. ch/\bar{s} — так же, как под номером 1 дано, например, $k/\bar{c}/c$.

Вряд ли можно признать удачным обозначение в пределах одной работы знаком *y* и славянского гласного — рефлекса и.-е. \bar{u} , и индоевропейского сонанта (*j*).

В качестве иллюстративного материала авторы используют только известные в этимологической литературе сопоставления и толкования. Однако среди них встречаются и далеко не общепризнанные, и просто спорные. Разумеется, этимологические решения, как замечают и автора в конце книги, с. 180, в большинстве своем остаются гипотезами и неизбежно сосуществование для многих случаев нескольких толкований, так что авторы вправе выбирать то или иное решение, но читатель (начинающий — судя по ориентации книги) должен быть предупрежден о гипотетичности предлагаемых в качестве иллюстраций толкований.

Собственно этимологическому анализу посвящена третья глава — «Конкретные приемы поиска происхождения слов» (с. 151—171). Даже на фоне второй главы она выделяется своей композиционной стройностью. В разделах третьей главы: «Виды сходства слов», «Праславянский уровень», «Индоевропейский уровень», «Расслоение праславянской лексики», «Трудные этимологии» — авторы прослеживают последовательные этапы этимологизации слов различной степени прозрачности, различной словообразовательной структуры и древности — этимологизации, осуществляемой путем сопоставления слов по принципу сходства гипотетического корня или формантов на разных уровнях, от одного языка (чешского) до индоевропейского уровня, причем вскрываются результаты этих сопоставлений для суждения о связях и происхождении слова. Попутно рассматриваются явления звуковой символики, звукоподражания, заимствования, излагается метод изоморфологических рядов. Очень интересен и методически полезен прием группировки лексем на каждом уровне в зависимости от возможности их анализа и его результатов на данном уровне. Например, чешские именные лексемы на праславянском уровне группируются по следующим признакам: чешское слово не имеет соответствий в других славянских языках (*kmen*); немотивированное чешское слово имеет соответствия в других славянских языках, но и они немотивированы (*vlk*); благодаря сравнению с другими славянскими образованиями для чешского слова реконструируется мотивация (*hlad*) и т. д. (с. 162—163). Даются краткие сведения о группировке индоевропейских диалектов и соответственно о специфических связях славянской лексики с балтийской и германской, но вопрос о праславянских диалектизмах не затрагивается. К сожалению, за пределами описываемых приемов сопоставления осталась и лингвогеографический аспект этимологизации. Глава завершается критической оценкой излишне произвольных (в фонетическом, морфологическом или семантическом планах) этимологических сопоставлений.

При общей четкости и строгости изложения вызывает возражение отнесение к одному и тому же явлению (существование в языке одного слова в двух вариантах, один из которых исторически, закономерно продолжает форму древнего языка, а другой является заимствованием этой формы — с. 161) случаев соотношения франц. *sembler—simuler* (< лат. *simulare*) и параллелизма русского слова со славянизмом типа *голова — глава*: в последнем случае представлено заимствование родственного слова из родственного древнего языка, а не заимствование праформы слова.

В четвертой главе — «Этимологические словари и пользование ими» (с. 172—180) читатель знакомится с основными этимологическими словарями славянских и индоевропейских языков (по отдельным языкам и по группам), а также — на примере сопоставления словарей Махека, Голуба—Копечного и Голуба—Лиера — с различными типами этимологических словарей и спецификой словарной статьи в этих словарях.

К четвертой главе примыкает весьма обширный перечень основной литературы предмета (с. 181—188), расположенной по тематическому принципу (по главам). Однако непосредственное соотнесение этой литературы с содержанием глав значительно затрудняется вследствие отсутствия в главах точных ссылок на соответствующие работы (упоминаются в лучшем случае лишь фамилии авторов).

В целом книга А. Эрхарта и Р. Вечерки представляет собой очень актуальное, краткое, но содержательное введение в славянскую этимологию, охватывающее значительную часть (хотя, разумеется, и не всю) проблематики и методики современной этимологии. Большим достоинством работы является ее стройность, отражающая убеждение авторов в возможности строгой этимологической методики. В этом отношении книга учит не только тому, как пользоваться этимологическими словарями, но и как делать этимологии.

Ж. Ж. Варбот